

АНДРЕЙ ВЕРИН &
FIVE MINUTES DIFFERENCE

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ТОРТ

С НОВОКАИНОМ

Андрей Верин

**Черемуховый торт с
новокаином. Повесть-рецепт**

«Издательские решения»

Верин А.

Черемуховый торт с новокаином. Повесть-рецепт / А. Верин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837959-8

Мучения — и великие, и малые — претерпевались здесь уже более двадцати лет. Больница Святого Великомученика Георгия оправдывала свое имя, и для многих Поклонная гора становилась Голгофой — последним восхождением. Нет, на шестом этаже, в отделении хирургии, не умирали чаще, чем на прочих, здесь не исчезали препараты «списка I» и не сбоила аппаратура в операционном блоке. Однако жизнь сорокалетнего хирурга-ординатора Александра Валерьевича Полуденного превратилась в сущий кошмар...
recipientis.ru

ISBN 978-5-44-837959-8

© Верин А.
© Издательские решения

Содержание

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ТОРТ С НОВОКАИНОМ	6
1. ЧЕРЕМУХОВЫЙ ТОРТ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Черемуховый торт с новокаином

Повесть-рецепт

Андрей Верин

© Андрей Верин, 2018

ISBN 978-5-4483-7959-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ТОРТ С НОВОКАИНОМ

1. ЧЕРЕМУХОВЫЙ ТОРТ

Ингредиенты: 150 г молотой черемухи; 400 г тополиного пуха; 250 мл ливневых дождей; 1 штормовое предупреждение; 1 чайная ложка хлорида калия; 350 г страха; 200 г муки (с ударением на первый слог); 1 —2 чайные ложки новокаина (от болей).

Мучения – и великие, и малые – претерпевались здесь уже более двадцати лет. Больница Святого Великомученика Георгия на Поклонной горе оправдывала свое имя, и для многих Поклонная гора становилась Голгофой – последним восхождением

Соборными силами медицинского братства и небесного воинства отсюда все-таки чаще выписывали, чем выносили. Но, как если бы в заступничестве святого покровителя больницы образовалась лакуна (аккурат между пятым и седьмым этажом), в первом хирургическом отделении, где вестибюль в простенках между лифтами клеймили цифры «6», «6», «6», с недавних пор творилось неладное. В полном стерильности храме Асклепия стало нечисто. Но где же и селиться нечистой силе, как не в отделении экстренной хирургии, где сама смерть держится ближе к людям?

Нет, на шестом этаже больницы Святого Георгия не умирали чаще, чем на прочих, здесь не исчезали препараты «списка I» и не сбоила аппаратура в операционном блоке. Однако жизнь сорокалетнего хирурга-ординатора Александра Валерьевича Полуденного сделалась кошмаром.

Надо сказать, к своим сорока годам ординатор нажил изрядную проседь в темно-русых волосах, но сохранил юношеское телосложение благодаря лыжным кроссам в пригородном Васкелово. И смотрелся Полуденный в отделении мужчиной видным, невзирая на мешковатую форменную одежду (надевшаяшую его вящим сходством с санитарями), которую ординатор предпочитал халату, и домашние шлепанцы, шаркавшие, казалось, на полшага позади доктора, пока Александр Валерьевич энергично барражировал по коридорам первого хирургического, напевая себе под нос красноармейский мотив «Принимай нас, Суоми, красавица!».

Благодеяние хирурга кончилось однажды, утром рядового дня, когда, заглянув в ординаторскую, Полуденный обнаружил там букет черемухи в бутылки из-под физраствора. Как ослепленный белизной цветов, хирург зажмурился, но, когда вновь открыл глаза, букет не растворился в воздухе, стоял на том же месте – на письменном столе Полуденного. Из-под бутылки вкрадчиво глядел исписанный листок, откуда-то, должно быть, в спешке вырванный за неимением другой бумаги. Поверху, перечеркивая прежние слова, крупно шла надпись от руки карандашом, не оставлявшая Полуденному никаких сомнений: «Александр Валерьевичу».

Записку доктор смял, сунул в карман, букет поставил на соседний стол.

«Черт... Точно не свои... Кто же тогда?» – крутилось в голове у ординатора.

Нет, букет черемухи не грозил Полуденному ни приступом аллергии, ни укусом энцефалитного клеща, но из каждого цветка ее – тихого, белого, кроткого – на ординатора, словно глазури, смотрело сине-стальное майское штормовое предупреждение. И, вторя тревожным предчувствиям Александра Валерьевича, за окнами отделения, распахнутыми по случаю аномальной весенней жары, зрели жирные грозовые тучи. Не изливались, только грохотали – издали, исподтишка. Но даже от такого затаенного их недовольства со стен заждавшегося капитального ремонта здания больницы сыпалась штукатурка, дребезжали фрамуги, и, вторя высотным турбулентностям, мотались в шахтах гремучие грузовые лифты.

Дело в том, что, несмотря на свою мужественную профессию, Александр Валерьевич Полуденный всего боялся: никогда не садился в машину к незнакомому человеку (мало ли как он водит, вдруг авария?), страшился братья за гантели в тренажерном зале (недолго уронить), завистливо поглядывал на конькобежцев, но сам никогда не встал бы на коньки (слишком легко упасть). Его пугало все, хоть сколько-нибудь новое и непривычное. «Со странностями», – характеризовали ординатора знакомые, едва удерживаясь от того, чтоб покрутить украдкой пальцем у виска. Стоило заговорить с этим моложавым человеком, как становилось ясно: он давно состарил себя изнутри, будто, однажды испугавшись, нашел лекарство от ошибок молодости в ранней дряхлости души. Отчего стремительная, как лыжный коньковый ход, поступь ординатора временами становилась шаркающей, а в трубном властном голосе порой проскальзывали капризные по-стариковски нотки.

Впрочем, едва оказываясь на работе, хирург преображался: когда он шел по отделению грозной стопой, как Гелиос к зениту, самоё тени исчезали, родственники-посетители благоговели, пациенты споро на поправку шли. Движения хирурга становились четкими, слова – скупыми, действия – решительными. Никогда не сомневающийся в правоте своего жестокого ремесла, хирург легко мог усыпить бдительность пациентов и отвлечь внимание навязчивой родни от главного и страшного.

Теперь же испугался сам, на сей раз – неизвестности, застигшей ординатора врасплах в родимом первом хирургическом, где прежде ампутации рутинно сменялись резекциями, где любые возможные риски помещались в рамках операционных и послеоперационных осложнений, и решительно все, что могло произойти, учитывалось в графе «Исход» с талонов амбулаторных пациентов: выздоровление, ремиссия, госпитализация, перевод в другое медицинское учреждение, инвалидность, смерть и прочее.

Теперь, похоже, ординатора настигло наконец это загадочное и пугающее «прочее».

Выглянув в коридор, Полуденный крикнул всеведущей и вездесущей дежурной сестре: – Галя! Кто был в ординаторской после обхода?

Как если бы сестра давно ждала вопроса, со стороны поста тотчас послышался ее речитатив:

– Господь с тобою, Сан Валерич! Кто только не ходил! Ташин все утро там торчал, Пировгов забегал два раза, Арсений Соломоныч был, медбратья новые, Услонцев с терапии, Ольга из гинекологии...

– Из чужих кто? – не выдержал Полуденный детального отчета.

Повисла пауза.

– Было, Валерич, было, – вспомнила невидимая Галя. – То ли из пациентов, то ли из родни. Я женский голос слышала.

И все. Полуденный задумался.

Конечно, ординатор был бы рад встретить дарительницу, например, в лице студентки театрального с аппендицитом из шестьсот сороковой, но понимал, что юный тот аппендицит все еще на постельном после аппендэктомии, не встававши, и куда больше шансов выйти в прибольничный парк, скажем, у пенсионерки с грыжей из шестьсот тридцать второй.

Следующие два часа хирург провел в процедурке: сделал сначала чистые, потом гнойные перевязки, удалил у Брагина тампон из брюшной полости, у Самсонова – назогастральный зонд, рассмешил старушку Кузьмину с двустольной колостомой, которую так и звал – Двустволькой. Однако проделывал привычные манипуляции рассеянно и механически, без прежнего самозабвения.

Ученый горьким опытом – неоднократно, как если бы руководил невидимой лабораторией по постановке горестных житейских экспериментов, – ординатор усвоил твердо: не все то золото, что блестит, а в тихом омуте черти водятся. В явлении загадочного подношения

Полуденному виделся и блеск, и омут. Болотные огни сулили ординатору не клад, но кладь проблем, и черти норовили ухватить его за пятки, беззащитно торчавшие из шлепанцев.

Пока Александр Валерьевич за версту обходил подозрительный дар стороной, предпочитая заполнять истории болезни за стойкой сестринского поста в коридоре, белые лепестки черемухи засыпали диагнозы с пометкой «Са» на выписных листах, цветочный дух маскировал привычный ординатору, как дым отечества, запах кишечных инфильтратов из тяжелых палат.

Медсестры замирали над цветами, окуная лица в их рассыпчатые гроздья, но Александр Валерьевич, заскакивая в кабинет, задерживал дыхание: как бы не надыхаться до смерти (черемуха-то ядовита, говорят).

Вечером Галя выбросила измочаленный девичьими восторгами букет.

Только назавтра, после ежедневного обхода, он явился вновь, восстав из пепла павших лепестков.

На третий день Полуденный взялся следить за ординаторской. Приятеля, увальня Витьку Ташина, оставил караулить, пока сам был занят на обходе. Тщетно – очередной букет, явившись ниоткуда, был еще раскидистее и пышнее прежних.

Ординатор захандрил. Некстати вспомнилась ему легенда о цветах, которые из года в год некто неузнанный приносит всякий божий день Матиссу на могилу в Ницце. Не вознамерился ли кто-то превратить врачебный кабинет в его, Александра Валерьевича, последнее пристанище?

Над ординатором стали незло посмеиваться сослуживцы: «Смотри, Валерич, – говорил коллега Пирогов, носивший свою славную фамилию, как знамя. – Сперва букеты, а потом, неровен час, и серенады тебе станут петь под окнами».

Терзаемый мнительностью, хирург один не смеялся. «Черемуха... – бормотал он в задумчивости, а про себя добавлял: – Чертовщина...»

Цветы облетали быстро. А чертовщина оказалась закаленной, не боялась солнечного света и новую весточку о себе подала скоро – в ясный полдень, когда ничто не предвещало беды, и даже у Лебедева из шестисот сорок первой наконец-то начали срастаться швы.

На сей раз Александр Валерьевич обнаружил у себя на столе торт. В другое время и не удивился бы, но торт был, как букет, черемуховым, и по черному бисквиту рассыпались кремовые белые цветы. Торт уже свежевал всю бедовый Витька Ташин – парень с лошадиным, крупнорылым улыбающимся лицом. Завидев ординатора, Ташин, несколько не смущаясь, отправил в рот изрядный рыхлый кус. Проговорил с трудом, но без следа раскаяния:

– Пости, Саня, не ужасся! Уснота!

– Откуда это? – неприятно кивнул на торт Полуденный.

Ташин, не торопясь, жевал, облизывая пальцы, глянцевого от сиропа:

– Девчонка принесла... Из родственников. Такая... – Он покрутил руками в воздухе, нащупывая нужное словцо. – В бордо... Только что вышла. Э, Саня, ты куда?

Выскочив из ординаторской, Полуденный успел увидеть тень, исчезающую за углом, и уже следом ринулся, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

– Александр Валерьевич!

Остановился нехотя.

– Здравствуйте, дочь Орфеевой, – вздохнул, поежился.

Встреч с этой девушкой, все время провожающей его скулящим взглядом, Полуденный как мог старался избегать. У матери ее давеча прямо в операционной обнаружили неоперабельную онкологию и как разрезали, так и зашили, ничего не сделаешь. Онкологический диагноз ординатор скрыл. Не для того, чтоб пощадить чужие чувства, но потому, что так было удобнее. Дальнейшее – дело врачей по месту жительства. Здесь же, в конце концов, не онкодиспансер.

– Мама просила передать... – В руках у дочери Орфеевой возник конверт.

Пожалуй, ничего в ней не осталось, горем испитой, кроме густых льняных волос, спадавших ниже пояса. Полуденный хотел заставить ее их убрать, упрятать под платок или остричь и сам дивился, что за инквизиторщина пробуждалась в нем. («Тебе бы в Аушвице быть цирюльником», – сердился на себя.) Или всего лишь говорило чистоплюйство человека, привыкшего к стерильным оперблокам, где места нет иной телесности, чем та, что открывается под скальпелем, – ни волоску, ни капле пота, ни дыханию, все убрано под марлю, белую материю и латекс? Да нет, своей изнанкой, глубиной, он понимал, что к этим волосам хочется всем лицом припасть, зарыться с головой... Но гнал неподобающие видения суровостью, как нечисть – крестным знаменем.

Вот и теперь скривился, замахал руками: изыди, мол.

– Пожалуйста, она не успокоится, возьмите. – Схватила за рукав хирурга, тот брезгливо дернулся, цапнул конверт, видя в нем избавление от посетительницы.

Несколько дней назад она уже одаривала доктора – изображением Георгия Победоносца в рамке. Почти такой же барельефом украшал стену фойе при входе в клинику и ординатору глаза мозолил каждый божий день. Должного пиетета к змееборцу Александр Валерьевич не выказывал и даже позволял себе с ним фамильярничать. Еще бы, у святого, взявшегося покровительствовать больнице, только и было хирургического инструмента, что копьё. И Змий один. А у Полуденного этих змиев – по четыре метра в каждом животе. Так что дареную картинку Александр Валерьевич пристроил в ординаторской да и забыл о ней.

На счастье хирурга, искавшего путей к бегству, в холле показался Пирогов.

– Александр Валерьевич, – провозгласил, спешно приблизившись, коллега, – у меня к вам врачебный вопрос! – И, взяв Полуденного под руку, увлек по коридору. Уже вполголоса спросил: – Санек, выпить хочешь?

– Я на посту не употребляю. Забыл? – укоризненно зашептал, почти зашикал на него в ответ Полуденный.

– Да-а, – протянул коллега, – пост у нас самый что ни на есть боевой – пограничный. Почище, чем харонов, будет...

– Повод, что ли, есть? – прищурился ординатор, любопытствуя.

– Вчера Устинов умер. А я ведь его тянул-тянул...

Александр Валерьевич фыркнул (эка невидаль, мол):

– Что переживать-то?

В своей работе ординатор не воспринимал иной боли, чем та, что требует корректировки дозы обезболивающего. Душевные терзания родни и пациентов, как нынешние майские грозы – Поклонную гору, обходили душу Александра Валерьевича стороной. Стоны неслись к нему из-за стены, а слезы утирались перед его появлением. Однако и кручина Пирогова оказалась не филантропического, а бюрократического свойства.

– Так ведь Антон Антонович мне теперь затолкает огурцов *per gestum* за то, что я Устинова держал два дня сверх срока, продиктованного министерством. – Пирогов театрально воздел руки к небу. – И проблем со страховой не оберешься. А как мне его было отпустить, если ему понятно: разовьются осложнения. Хотел доброе дело сделать, называется.

– Не, инициативу проявил – подставился. Эдак сопьешься быстро, брат. Тут я тебе не собутыльник.

– Н-да... – вздохнул несмелый искуситель-Пирогов, без боя отступаясь от принципиальной жертвы. – А из безалкогольного в нашем питейном заведении один молочный коктейль из пропофола...

– Смешно, – кивнул Полуденный, и Пирогов ретировался в кардиореанимацию – искать забвения там.

Вновь замелькали перевязки, дренажи, тампоны, шины, стомы, лигатуры, швы, катетеры. И к тому времени, когда Полуденный уже под вечер возвратился в ординаторскую, торт был подчистую съеден сослуживцами.

Дома он раскопал на антресолях, среди вещевого праха матери подшивку ботанических журналов. Перелистал и выяснил: черемухе цвести еще неделю минимум. И впал в уныние. Запах цветов мерещился теперь Полуденному всюду (даже в квартире, где хирург не отворял фрамуг, боясь коварных сквозняков), как если б в городских садах и скверах не осталось более деревьев, кроме одного – злосчастного. И даже бронзовый Есенин, что сидел на постаменте через улицу от больницы Святого Георгия, глядел на ординатора с ехидцей, точно собираясь декламировать свое: «Черемуха душистая с весною расцвела и ветки золотистые, что кудри, завила...»

Новая жизнь не началась для Александра Валерьевича с понедельника. И прежняя размеренная не вернулась. Утром Полуденного, заглянувшего в дверь ординаторской, встретили похикивающие коллеги и очередной развесистый букет.

Хирурга стало не узнать. Голос его, прежде вступавший в резонанс с пустотами больничных рекреаций, начал пресекаться через слово. Высокую фигуру ординатора сутулила неразрешимость мучившей его загадки. И здание святогеоргиевской alma mater, что имело в плане вид трехлучевой звезды, стремилось формой к треугольнику – тому, где исчезают самолеты, корабли и здравый смысл.

Вместо обеда Александр Валерьевич сидел у проходной, где пролегала в синем шорохе бахил граница меж больными и здоровыми. Кого высматривал, и сам не знал. Кого-нибудь в бордо?

Охранник и властитель турникета, скучающий, как Фауст, разглядел в хирурге собеседника. Подсел и локтем в бок толкнул Полуденного: «Доктор, вы послушайте!», страницы «Комсомольской правды» распахнул и разворот выставил перед ординатором, как транспарант, вразтяжку. Хирург выглядывал поверх листов, а слушать принужден был о произошедшем с некой юной Нарине из Еревана. У девушки росли колючки из руки, и медики были бессильны ей помочь: стоило удалить колючую растительность, как тотчас появлялась новая нечеловеческая поросль, в которой биопсия опознала кактусовые шипы. Когда-то Нарине поранилась о кактус, споры растения попали в рану, там и прижились. Аналогичный случай был известен в Токио: японец, уколотившийся о кактус в США через неделю начал обрастать шипами. «Быть может, – задавал вопрос корреспондент, – история Мюнхгаузена о вишневом дереве во лбу оленя не такая уж и небывальщина?»

– Вот брешут щелкоперы, – гневался охранник. – Из человека – и ботва! Скажите, доктор!

Полуденный и рот уже открыл, чтобы ответить, как вдруг от проходной раздался радостный, но требовательный возглас:

– Александр Валерьевич, вы ли это! Мне бы с вами переговорить.

Тонко повеяло одеколоном, и обернувшийся хирург увидел за рогаткой турникета мужчину в представительном костюме. В отдельности и посетитель, и костюм были чрезвычайно хороши, однако что-то в их соседстве не заладилось, и визитер держался так, будто стремился из костюма поскорее выпростаться: даже сохраняя неподвижность, выглядел вертявым.

«Скользкий тип», – отметил ординатор.

Несмотря на неурядицу с одеждой, жившей от него отдельно, гость не тушевался, улыбался снисходительно, как если бы не он, но Александр Валерьевич ждал позволения войти.

Был он красив и молод, но глаза вели вражду с улыбкой и поверх нее смотрели холодно и жестко.

Охранник, чуявший нутром уполномоченных и власти предержащих, дал добро, и визитер уверенно прошел на территорию больницы, куда обычно в неприемный час вход открывался лишь по пропускам.

– Анисин, Михаил Андреевич, – представился и протянул хирургу пальцы, чуть торчавшие из белого манжета, стиснутого запонкой. Вдохнул: – Доктор, меня тревожит Яворский из шестьсот шестьдесят шестой палаты.

– Родственник? – нахмурился Полуденный.

– Можно сказать, что и родственник...

Яворский, вспомнил ординатор, недавно поступивший бритый налысо мордоворот (то ли омоновец, то ли морпех, каким и краниотомия ни по чем) и этот – бриолино-скользкий, с искрой, прихвостень топ-менеджмента. Сложно выдумать двоих, разнящихся сильнее.

Анисин был как дома: жестом предложил хирургу направляться к лифтам, в кабине для медперсонала утопил, не глядя, кнопку «б».

– Я, доктор, беспокоюсь, – продолжал он. – Не счесть несчастных случаев во время операций. Непредсказуемое дело – хирургия. Я выписал, послушайте. – Выудил из пиджачного испода ежедневник с золотым обрезом. – Активация хронических инфекции, случаи кровотечений, разрыв операционного рубца, тромбоз...

– Чушь, – перебил его хирург. – Ничего не станется с вашим Яворским.

Лифт, дернувшись, встал, двери распахнул. Шестой этаж обдал врача и гостя запахами дезинфекции и общепита. Тошно-зеленая окраска вестибюля навевала мысли, что болезнь, в отличие от жизни, будет вечной.

Хирург пошел было к себе, считая разговор оконченным, но Михаил Андреевич вдруг заулыбался, догнал Полуденного, преграждая ему путь.

– Позвольте, – нервно усмехнулся гость. – Я бы на вашем месте не был так уверен. А как же вероятность задушения рвотными массами под наркозом? А воздушная эмболия сердца наконец? Я слышал, что случайная смерть под ножом хирурга наиболее трудна для судмедэкспертизы. Что не всегда можно доподлинно установить ее причины, механизмы и... виновника.

– Любезнейший, – вновь перебил Полуденный, вскипая. Хирург не мог понять, в самом ли деле визитер так бестолков, как выставляется. – Чтобы у вашего Яворского развилась воздушная эмболия, нужно закачать ему как минимум полный шприц воздуха, причем не где попало, а довольно близко к сердцу, в шейную хотя бы вену. И я по-прежнему рекомендую ему хирургическое лечение, а вам, Анисин – отлучение от медицинских справочников.

Посетитель вдруг заулыбался – приторно, как если б в сказке побывал и не отер мед-пиво с губ. Совсем иным, вкрадчивым тоном произнес:

– А вот представьте, доктор, ситуацию: закрытый коттеджный поселок, контрольно-пропускной пункт, охрана, видеокамеры. У вас есть допуск, и некто неизвестный просит пронести на территорию некий предмет. И вы даже не сразу понимаете, что сей предмет – ну, например, деталь от снайперской винтовки. А предлагают вам в качестве благодарности за эту незначительную услугу, скажем, ваш годовой оклад. Как бы вы, доктор, поступили, а?

Ответа посетитель ждать не стал, но, потрепав хирурга по плечу – гаденько так, по-барски, к лифтам зашагал, раздумав навещать Яворского. Полуденный в недоумении взъерошил на затылке волосы.

В зеленом вестибюле, где стоял хирург, одну из стен когда-то безымянный живописец-самоучка изукрасил росписью – пруд с масляными листьями кувшинок, зарослями папоротника и рогоза. Роспись, имевшая на отделении прозвание «Козье болото», одним служила ориентиром меж больничных коридоров, других же – тех несчастных, кому доводилось

по дороге из реанимации в палату приходить в сознание именно здесь, пугала и засасывала снова в омуты анестетических видений. Так и Анисин появился нынче перед ординатором – как персонаж из медикаментозных снов. И, поломав с минуту голову над его странностью, Полуденный решил махнуть на эпизод рукой.

Помимо Козьего болота и «числа зверя» в простенках между лифтами, в холле шестого этажа имелся настоящий зверь – медвежье чучело, пугавшее как грозной стойкой, так и анти-санитарией. Медведь не раз делался жертвой вандализма: лишился глаз, и вместо лап имел две меховые варежки. Вот и теперь походя Александр Валерьевич заметил, что в беззубой пасти зверя – скомканный клочок. Он дотянулся, вытащил бумагу (листок-близнец записки из-под первого букета) и снова обнаружил рукописное: «Идет зверь, не несет потерь, врага не боится, смелостью гордиться. Взгляд у зверя зорек, зубок остр, ухо настороже. Я тот зверь, не несу потерь, врага не боюсь, смелостью горжусь. Да будет так, как я велю». Хирург подумал: «Что за ахиня!» – стараясь вытеснить тревогу раздражением. На сей раз и вандалы оказались странными, и было в слоге фразы что-то архаичное, исконное, вздымавшее в воображении дремучие леса. Полуденный опять подумал о девчонке с театрального... Да нет, ей до медвежьей пасти не допрыгнуть. А кресло подтащить – шов разошелся бы. «Нет, ерунда!» – сердито оборвал Полуденный ход рассуждений, что вели в тупик, почище Козьего болота.

Однако новая напасть явилась тотчас же.

– Здравствуйте, Александр Валерьевич, – проговорила незаметно подошедшая к нему (подкрававшаяся, как подумал ординатор) дочь Орфеевой. Полуденный кивнул в ответ и стиснул зубы. – Нас к вам отправили из поликлиники, у мамы свищ опять открылся. Может быть, вы бы могли...

– Подобные вопросы, – оборвал ее Полуденный, чеканя металлические слова, – только через заведующего. – И хлопнул перед носом у девчонки дверью ординаторской.

Однако, выместив зло, облегчения не испытал. Напротив, овладела им тревожная рассеянность, так что под вечер Александр Валерьевич не заметил, как вписал анализы Астафьева в историю болезни Лебедева, и пришлось остаться допоздна в больнице, набело переписать историю (чего Полуденный не делал со времен интернатуры, когда старшие коллеги тем учили его аккуратности), а утром обивать пороги сослуживцев, проставляя заново печати-подписи.

Когда было покончено с бумагами, злой и не высавшийся ординатор возвратился наконец к заботам о своих стационарных пациентах и уже собирался перейти от перевязок к выписным листам, когда в проеме отворенной двери перевязочной услышал звуки телевизора из рекреации, где под кашпо с настурцией и декабристом спал Елдырин с прободением.

«...с некоторых пор Артем Сидоркин, – слышал ординатор, – стал чувствовать ужасные боли в груди. Врачи диагностировали рак. Взялись прооперировать, хотя и без надежды на успех. Однако, вскрыв грудную клетку пациента, увидели фрагмент еловой ветки, выросший, должно быть, из вегетативной почки, которую Артем вдохнул случайно. Похожий случай был в 2007, когда китайские врачи, прооперировав десятимесячную девочку, нашли пучок травы, что в легком проросла из семечка».

Казалось, повсеместно сквозь людей росли деревья. Меж тем на медицинском поприще любое «прорастание» не доводило до добра, наоборот – в сыру землю сводило. «Чертовщина...» – вновь подумал ординатор. Припомнилось ему есенинское, ныне приобретшее зловеющий смысл: «О, если б прорасти глазами, как эти листья, в глубину...» Кольнуло в средостении недоброе предчувствие, как если бы и там готовилось взрасти что-то неожиданное и неуместное.

Сюжет меж тем сменился, голос новостного диктора, полный тревожных модуляций, зачистил: «Эпидемия вируса гриппа H3N4 угрожает приобрести планетарный масштаб. По словам ученых, врожденной невосприимчивости против нового штамма среди людей не суще-

стует вовсе, что, при условии перерастания очагов эпидемии в пандемию, может носить катастрофический характер...»

– Милок!

Врач вздрогнул: подле ординатора стояла высохшая, на просвет прозрачная старушка – девяностолетняя Киренкова, худая, низенькая, как ребенок. Ее вчера отправил из приемного в первое хирургическое терапевт, за что Полуденный ему спасибо не сказал бы – в первом хирургическом и так ломились все палаты.

– Бабуля! – наклонился ординатор к жеванному временем лицу старушки, для верности повысив голос. – У вас железодефицитная анемия. Вам лежать надо!

Киренкова и впрямь казалась призрачной: того и гляди, опадет с нее сухую шкуркой износившееся тельце, и воспарит бабушка к небесам вопреки всем законам аэродинамики. Но выпуклые глазки на морщинистом лице светились радостно и бойко: проблема распада эритроцитов Киренкову не беспокоила.

– Доктор, а медсестричка ваша где?

– Которая?

– Новенькая. Она со мною побыла – все как рукой сняло. И у соседки моей, Марьи Федоровны, враз давление упало, вот те крест!

– Бабуля! – закричал хирург прямо в замшелое, скукоженное ухо, будто пытался докричаться в прошлое. – Это вам примерещилось. Небось, к соседке родственница приходила.

– Ась? – Рука Киренковой сморщенным сухофруктом потянулась к подключичному катетеру над воротом фланелевой пижамки.

Полуденный не выдержал и, взяв под локоток старушку, проводил ее в палату.

Однако в рекреации его остановил радостный Брагин, доложил, что нынче утром, после встречи с новой медсестрой у него прекратилось выделение кала из дренажного отверстия. Встретился в коридоре и лежачий Лебедев, чудесным образом поднявшийся с постели. Вытащив теплую мягкую шоколадку из-за пазухи, упрашивал Полуденного передать ее «той медсестре, которая с ним сотворила чудо».

Хирург кипел: опять целительство.

Уже был случай: пару месяцев назад в ночи являлся призрак самого Георгия и пациентов исцелял движением руки. Тогда в чудо уверовали многие из младшего идейно слабого медперсонала. Больные, кому посчастливилось воочию видеть святого, наперебой описывали его мужественные черты и, главное, небесно-синие одежды. Потом узнали, что Победоносцем был психолог МЧС, работавший по технике ДПДГ с жертвами крупной автокатастрофы с Выборгского. Впрочем, иные и тогда не разуверились. Психолог – ладно, думал Александр Валерьевич: должность пустая, но безвредная. Однако и сектанты всех мастей стекаются к Поклонной, проникают, проповедуют. Много ли надо человеку, размягченному недавно схлынувшей анестезией, чтобы увидеть Царствие небесное под потолком палаты?

«Напустили сброда в неприемный час», – негодовал хирург.

Новое удивление ждало его, когда открыв дверь ординаторской, Полуденный увидел: посторонние не только проникают и разгуливают в отделении, но позволяют себе вовсе несусветное – сидеть вальяжно за столом, закинув ноги на столешницу, полистывая личные бумаги доктора.

Именно так встретил Полуденного в ординаторской знакомый посетитель в дорогом костюме.

– Анисин, что вы себе позволяете! – побагровел хирург.

Тот, увидав вошедшего, нисколько не смутился.

– Ну наконец-то, Александр Валерьевич. Гляньте, что у вас на столе нашел. – Анисин помахал исписанным листком – точь-в-точь таким, как давешний из пасти чучела.

Держа бумагу на отлете пушного позерства ради, несносный гость продекламировал:

– «Не бей, темнота, страхом не суши, кровь не гоняй, сердце не сжимай. Не растет камень, не поет рыба, забор цветом не цветет, по второму разу мертвец не умрет. Страхи дневные, страхи ночные, идите на заячьи тропы, на их норы, под их кусты. Пусть заяц лисы боится, от страха ему пусть не спится. Лиса пусть волка боится, от страха пусть ей не спится. Волк пусть медведя боится, от страха ему пусть не спится. А дьявол боится Бога. Иди, страх, от порога». – И рассмеялся: – Целый зоосад! Вы, доктор, пациентов, что ли, заговорами врачуете? Как-то вам не к лицу. Да и бросает тень на лик отечественной медицины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.